

Насибов К.Р., доктор философии права, адвокат, член
Международной организации правовых исследований

Система формирования внутреннего убеждения защитника

Аннотация: Формальная система доказательств, основанная на приблизительных презумпциях, не оправдала себя с гносеологических позиций.

Внутреннее убеждение защитника в значительной мере формируется на подсознательном уровне, не сводящемся к формально-логическим построениям.

В случае с защитником внутреннее убеждение выступает лишь как логико-психологическая категория, а по отношению к другим участникам процесса и как процедурная.

Ключевые слова: внутреннее убеждение; адвокат; защитник; доказательство; познание; формальная система доказательств; практика.

В процессуальной деятельности внутреннее убеждение является, прежде всего, правовым понятием, закрепленным в законе, однако, с нашей точки зрения, именно этот правовой аспект данного понятия оказался разработанным в литературе слабее остальных. Представляется, что некоторые проблемы еще не нашли должного отражения, в частности: какие правовые последствия влечет неисполнение требований ст. 145.2 УПК Азербайджанской Республики; что означает внутреннее, убеждение как правовая категория и др. Попытаемся ответить на некоторые из перечисленных вопросов.

Как известно, существует только две системы оценки доказательств – формальная и на основе внутреннего убеждения, т.е. свободная оценка. Обе они

♦ **Насибов Кямандар Рафи оглы** – доктор философии права, адвокат, член Международной организации правовых исследований (Азербайджан). E-mail: info@iolr.org

относятся в равной мере к любой познавательной деятельности, а не только к судебному доказыванию. Когда имеется четкое правило, жесткий алгоритм получения вывода и принятия решения, тогда нет места внутреннему убеждению, особенно если такое правило носит для исследователя обязательный характер. Следовательно, формализованный и содержательный пути являются в данном случае взаимоисключающими (2, с. 103-104).

Формализованный путь познания имеет ряд преимуществ, т.к. исключает или сводит к минимуму ошибки, не оставляет места субъективизму и произвольному усмотрению, а также более экономичен, однако это верно лишь при условии правильности алгоритма. Как известно, формальная система доказательств, основанная на приблизительных презумпциях, не оправдала себя, прежде всего, с чисто гносеологических позиций, ввиду ненадежности принятого алгоритма.

Внутреннее убеждение защитника в значительной мере формируется на подсознательном уровне, не сводящемся к формально-логическим построениям (хотя и под воздействием ряда объективных факторов). В результате данный процесс часто неконтролируем и со стороны самого познающего субъекта и тем более со стороны других лиц. В связи с этим внутреннее убеждение не может рассматриваться как правовая обязанность субъекта доказывания. Права Л.М. Карнеева, которая пишет, что «категории права и долженствования неприменимы к внутреннему убеждению, имеющему психологическую сущность... Требование же иметь убеждение также несостоятельно, как требование не иметь его... Всякое требование закона предполагает возможность проконтролировать его соблюдение. Наличие или отсутствие убеждения не поддается контролю» (1, с.77-78).

Действительно, о чувстве внутреннего убеждения, равно как и о других субъективных состояниях человека, можно судить лишь по каким-то внешним проявлениям. Пока такое чувство никак не проявилось вовне в каких-то действиях, высказываниях, оно остается для окружающих загадкой. Единственной формой такой внешней объективизации в процессе доказывания

является обоснование защитником своих выводов в соответствующих процессуальных документах (ходатайствах, жалобах и т.п.) или в устных выступлениях процессуального характера. Именно по фактической обоснованности вывода (и, разумеется, по фактической наличности доказательственного материала) судят об их правильности, а не по внутреннему состоянию адвоката, принявшего решение.

Насколько нам известно, не было случая отмены приговора, возвращения дела на дополнительное расследование по тому основанию, что следователь или суд принял соответствующее решение, не будучи до конца убежден в его правильности. Если, например, следователь направит дело в суд, хотя у него остались какие-то сомнения (неважно, в отношении достаточности доказательств или фактической виновности лица), пойдет, так сказать, на определенный риск, то данное обстоятельство не может иметь никакого правового значения. Если суд признает имеющуюся совокупность доказательств достаточной, он вынесет обвинительный приговор независимо от наличия или отсутствия у следователя какого-либо внутреннего убеждения.

Разумеется, такой поступок следователя достоин всяческого морального осуждения, не исключена и его служебная ответственность (если поступок каким-то образом станет достоянием гласности), но, ни о каких процессуальных последствиях не может быть и речи.

В подавляющем большинстве случаев решения участников уголовного процесса принимаются по внутреннему убеждению (вопроса о роли закона при оценке доказательств мы здесь не касаемся), но в каждом конкретном случае проверить это невозможно. Не имеет значения и момент формирования внутреннего убеждения. Если у судей такое убеждение сформировалось до окончания судебного следствия, то это тоже не может служить основанием к отмене приговора. Конечно, судьи до вынесения приговора должны еще раз проверить свои выводы, проанализировать имеющиеся в деле доказательства и т.д., но все это опять же область профессиональной этики и морали, а не права.

Требования, которые предъявляет закон к внутреннему убеждению, чтобы оно было основано на всестороннем, полном и объективном рассмотрении обстоятельств дела в их совокупности, относятся не к содержанию внутреннего убеждения и не к его наличию, а к процессуальной деятельности, предшествующей его формированию. Данное правило призвано максимально гарантировать обоснованность внутреннего убеждения, воспрепятствовать появлению безмотивного, произвольного суждения. Однако о том, как указанное требование выполнено, можно судить только по аргументированности принятого решения, зафиксированного в соответствующих процессуальных документах, и другим материалам дела. Насколько же такое решение соответствует фактическому мнению субъекта, по материалам дела определить невозможно.

Каковы же все-таки правовые требования, касающиеся оценки доказательств по внутреннему убеждению? На наш взгляд, они могут быть сведены к следующим:

- закон гарантирует отсутствие каких-либо заранее установленных правил о силе и значении отдельных доказательств и их достаточности для вывода (в отношении допустимости доказательств такие правила, как отмечалось, в ряде случаев имеются). Поэтому исследователю, собственно, не остается иного пути, как довериться при решении этих вопросов своему внутреннему убеждению. Отсутствие формализованного способа познания само по себе не оставляет другого выбора, кроме свободной оценки доказательств;

- закон обязывает субъекта доказывания к осуществлению процессуальной деятельности, предшествующей формированию внутреннего убеждения (и направленной на формирование такого убеждения), - тщательно, объективно и всесторонне проверить собранные по делу доказательства, всесторонне, полно и объективно рассмотреть все обстоятельства дела в их совокупности и др.;

- каждый субъект доказывания обязан мотивировать, обосновать свой вывод или решение по делу в соответствующем процессуальном документе (или устной речи процессуального характера);

- закон содержит гарантии невмешательства в оценку доказательств других органов и лиц, предоставляя субъектам доказывания возможность оценить доказательства и принять решение без какого-либо внешнего воздействия. Неисполнение этого требования может повлечь довольно серьезные процессуальные санкции.

Таковы общие правовые признаки внутреннего убеждения, относящиеся и к защитнику. Ввиду нереальности прямого контроля над внутренним убеждением, закон предусматривает лишь гарантии его правильного формирования, а также обязанность обоснования внутреннего убеждения, создавая тем самым возможность какой-то косвенной его проверки. Все остальные его аспекты находятся за пределами правового регулирования и образуют сферу действия логико-психологических, морально-этических и иных законов.

Остановимся теперь на внутреннем убеждении защитника как критерии оценки доказательств. Настоящий вопрос в литературе является спорным, и по нему высказаны различные точки зрения. Одни авторы полагают, что внутреннее убеждение выступает в оценке доказательств в качестве субъективного критерия их достаточности (3, с.72). Другие считают, что о внутреннем убеждении вообще неправильно говорить как о критерии, в том числе и субъективном, ибо критерий должен лежать вне субъекта, а не внутри его, либо даже усматривают в такой трактовке крен в сторону субъективизма (4, с. 165-168).

На наш взгляд, внутреннее убеждение защитника может рассматриваться в качестве одного из критериев правильности оценки доказательств, а точнее критериев истинности вывода, но не в том смысле, как его понимают и сторонники, и противники данной концепции.

Критерием истины является практика. Однако, в доказывании возможности прямой экспериментальной проверки выводов обычно не бывает. В тех же отдельных случаях, когда это возможно, процесс познания может быть формализован (в определенных пределах), и тогда потребность во внутреннем убеждении вообще отпадает. Оно функционирует лишь там, где отсутствует прямой критерий практики, как его эквивалент, заменитель. Но дело не только в этом. В доказывании критерий практики вообще действует опосредованно, и формы его проявления весьма разнообразны – как коллективная практика правоохранительных органов, использование достижений естественных и технических наук, применение различных приборов и аппаратуры в виде овеществленной практики и т.п. Коллективная практика всегда аккумулируется в знаниях конкретных носителей, индивидов. Такими носителями и являются лица, осуществляющие оценку доказательств, - адвокаты, следователи, прокуроры, судьи. Их личный житейский и профессиональный опыт в определенной мере концентрирует знания, накопленные и апробированные обществом. Внутреннее убеждение формируется на базе такого опыта. Поэтому оно служит одним из косвенных проявлений критерия практики (в широком смысле данного понятия).

Было бы крайним упрощением считать, что внутреннее убеждение при оценке доказательств – прямой и однозначный показатель правильности этой оценки. Внутреннее убеждение одного субъекта не обязательно для других, оно никак не учитывается при проверке обоснованности решения и вообще, как указывалось, не имеет правового значения. Однако критерий практики в любом его проявлении всегда находится за пределами судопроизводства, поскольку он действует в судебном доказывании только опосредованно. Например, общие научные положения, приборы и иные технические средства, используемые в процессе доказывания, создаются и апробируются не в процессе судопроизводства. Если бы в судебном доказывании существовал прямой и непосредственный критерий истинности, он мог быть заформализован в самом законе и тогда отпадала бы необходимость во внутреннем убеждении.

Внутреннее убеждение является критерием истины лишь как отражение объективного в субъективном. Только в указанном смысле можно говорить о внутреннем убеждении как о критерии истины. Разумеется, данный критерий не единственный, а лишь одно из многих проявлений более общего критерия – практики, и не абсолютный, а относительный. И тем не менее отрицать роль внутреннего убеждения было бы неверно.

Вся существующая система иерархии субъектов доказывания, множественность судебных инстанций, коллегиальность в рассмотрении дел – все это призвано максимально использовать рассматриваемый критерий. Увеличение числа субъектов повышает эффективность субъективного критерия, что особенно важно в условиях отсутствия прямого объективного критерия. Гарантии истинности значительно возрастают, если к одному и тому же выводу придут многие субъекты, да еще независимо друг от друга.

В данном аспекте представляет определенный интерес и категория так называемой субъективной (или персональной) вероятности, используемая в некоторых познавательных процедурах (зондаж общественного мнения, экспертные оценки ситуации и др.). Сущность субъективной вероятности заключается в том, что изучается не сам исследуемый объект, а субъективные мнения о нем. И тем не менее при достаточном числе опрошенных такой метод дает довольно репрезентативные результаты, как правило, близкие к истине.

Таким образом, противопоставление объективного и субъективного критериев истинности не носит абсолютного характера. При невозможности прямой экспериментальной проверки вывода субъективный критерий нередко выступает как одно из косвенных проявлений объективного, как концентрированное выражение коллективного опыта, общественной практики. Аналогичную функцию выполняет и внутреннее убеждение субъектов доказывания, которое является, с одной стороны, методом оценки доказательств, а с другой стороны, в качестве результата этой оценки выступает одним из критериев ее правильности.

Следовательно, внутреннее убеждение может выступать как метод оценки доказательств и как ее результат. Общество заинтересовано, чтобы указанный метод использовался наиболее эффективно, а результат был истинным. Поэтому закон не ограничивается предоставлением субъектам доказывания возможности свободной оценки доказательств, а содержит объективные гарантии правильного формирования их внутреннего убеждения, в частности, обязанность совершения определенных действий, предшествующих формированию внутреннего убеждения, и обязанность его процессуального обоснования. Кроме того, внутреннее убеждение в качестве результата оценки есть одно из критериев ее правильности. Оптимальное использование такого критерия тоже входит в сферу правового регулирования. Установленная законом иерархия субъектов защиты образует одну из гарантий достижения истины. Таким образом, хотя внутреннее убеждение не является правовой обязанностью субъектов защиты и вообще его наличие или отсутствие не имеет какого-либо процессуального значения, закон содержит ряд требований, относящихся к его правильному формированию и использованию. В этом и заключаются правовые аспекты внутреннего убеждения адвоката при оценке доказательств.

Вместе с тем, ст.145 УПК в числе субъектов оценки доказательств защитника не указывает. Значит ли это то, что защитник в оценке доказательств не участвует или же оценивает их по другим критериям?

На данный вопрос может быть дан категорический ответ, что в случае с защитником внутреннее убеждение выступает лишь как логико-психологическая категория, а по отношению к другим участникам процесса (дознавателю, следователю, прокурору и суду) и как процедурная.

Библиография

1. Карнеева Л.М. Тактические основы организации и производства допроса в стадии расследования. Учебное пособие. Волгоград. ВСШ МЛД СССР, 1976.

2. Насибов К.Р. Внутреннее убеждение адвоката при оценке доказательств. Наука и образование. Тефеккюр, № 17, Баку, 2005, с.103 -107.
3. Побегайло Г.Д. Некоторые аспекты формирования внутреннего убеждения адвоката. // Актуальные вопросы развития и совершенствования законодательства о судостроительстве, судопроизводстве и прокурорском надзоре. М.: ВЮЗИ, 1981.
4. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М.: Юрлитинформ, 2001.